

Национальная библиотека
Республики Дагестан им. Р. Гамзатова

Кавказский дом переводов

Литературно-художественный альманах
«Кавказский экспресс» 2016

РЭ

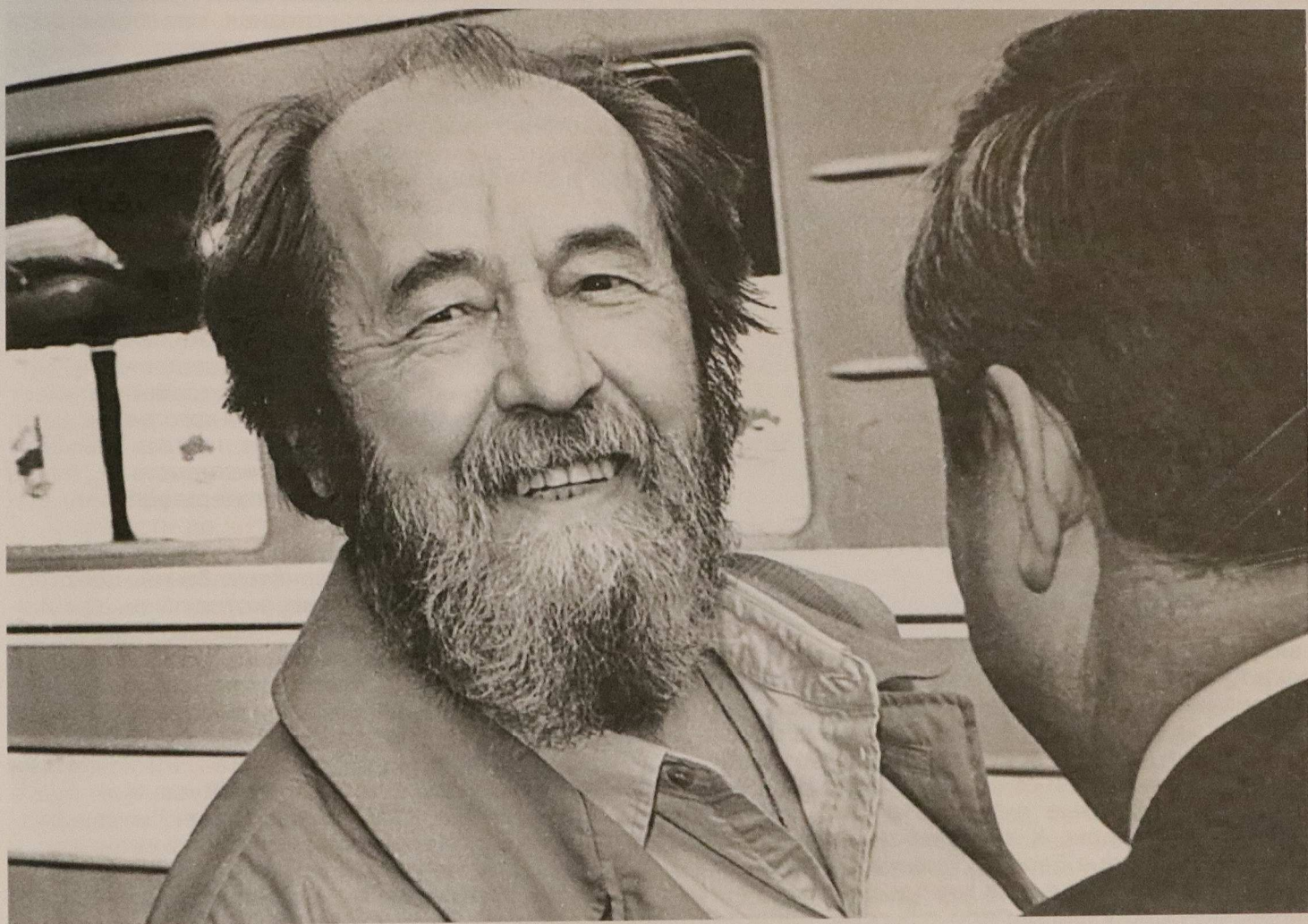

Вагон №4. Почтовый

ВИКТОР ЛЕОНИДОВ, историк-архивист, автор-исполнитель (бард) (г. Москва)

Мы – пленники здесь, на Западе...

Вечный оптимист – о воскрешении России

Солженицынские тетради: материалы и исследования: Вып. 1. – М.: Русский путь, 2012. – 344 с.

«...Когда же родится критик, который объяснит фразу Солженицына? Легче всего с особенностями словаря, а синтаксис? Скрытый ритм при отсутствии явного? Ёмкость слова? Новизна движения, развития мысли? Кто поднимет такую работу или хотя бы начнёт её? Для того чтобы анализировать, надо привыкнуть, перестать обжигаться – а мы прикованы к смыслу, сведениям, обжигаемся болью...» Так писала Лидия Корнеевна Чуковская

Александр Исеевичу Солженицыну в Европу. Через два года после его высылки, с надёжной оказией, но всё-таки абсолютно не зная, дойдёт письмо или нет. Ибо любая официальная почтовая связь с опальным писателем была запрещена властями.

Чуковскую и Солженицына роднило многое. И общая судьба, и многолетняя личная дружба, но, наверное, главное – потрясающая, какая-то иду-

щая из глубин веков яростная, самосжигающая борьба за правду. Так, наверное, бились за свою веру старообрядцы, раскольники, которых не мог утратить никакой костёр. Лидия Корнеевна сравнивала «Архипелаг ГУЛАГ» с вечевым колоколом, с могучим словом Аввакума. И абсолютно то же можно было сказать о самой Лидии Чуковской, о её войне за справедливость, которую она вела с огромной системой советской лжи. Недаром одним из главных героев этой удивительной женщины всегда оставался Герцен. Она ничего и никого не боялась. Её письма и обращения, ходившие в самиздате, читались взахлёб. Потому что поразительная откровенность и смелость сочетались в строках Чуковской с подлинным литературным талантом. С ныне почти забытой золотой традицией русской литературы, когда каждое слово проходило через душу и сердце автора. И вот сегодня её мечты о серьёзном, исследовательском подходе к творчеству Солженицына получили новое воплощение. Совсем недавно к очередному дню рождения Александра Исаевича увидел свет первый выпуск «Солженицынских тетрадей».

Как написал в предисловии его главный редактор Андрей Немзер, альманах явился продолжением большой и систематической работы, которую в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына вёл и ведёт отдел по изучению наследия великого писателя. Ибо давно назрела необходимость издания, где под одним сводом соединились бы самые различные материалы и исследования, связанные с жизнью и творчеством русского прозаика XX века.

Конечно, одна из главных жемчужин «Тетрадей» – это доселе не опубликованные тексты самого писателя. И здесь всех ждёт новое потрясение как от его дара, так и от обжигающих строк Лидии Корнеевны. Впервые публикуется их переписка за 1974–1977 годы. К этому времени Александр Исаевич был уже в Европе. Письма эти передавались через границу с надёжными людьми, но всё равно их часто изымали при обысках. Александр Исаевич писал на сложенных тоненьких листках, чтобы занимали как можно меньше места. Лидия Корнеевна к тому времени почти ничего не видела и выводила буквы крупным фломастером.

В этих письмах и оценки Чуковской публицистики Солженицына, вызвавшей такой переполох на Западе, и её собственные размышления о судьбах России и закономерностях русской истории, об эмиграции, о роли Православной церкви, о еврейском исходе из СССР. Его ответы, сжатые, точные, упругие, где каждая мысль всегда полностью

отточена и ясна до предела. Они часто спорят, но сквозь все несовпадения мнений просвечивает любовь и беспокойство друг за друга. «Уважаю верующих, завидую им, их стойкости, их мужеству, ненавижу гонителей. Но сама верить – нет. При этом и извинения не имею никакого: не было у меня пионерского детства и безбожной комсомольской юности. В детстве – религиозная, православная и любимая бабушка; лампадка; утренняя... Всё «как у людей», не могу жаловаться... Если воскрешение России должно совершиться через Церковь, то я счастлива буду воскрешению, но сама останусь на паперти. В Церковь мне дороги нет, мне там всегда неловко, неприятно. Это – чужой Дом, чужая святыня...» – пишет Лидия Корнеевна. И Александр Исаевич отвечает. Обдуманно, выверенно: «...Отдельные люди могут быть безупречно нравственными и без религии. Но целые общества – никогда. Итак, когда безверие приобрело масштабы национальные или всеземные – надеяться больше не на что. Религия совсем не сводится к нравственности и не её единственную имеет целью. Оригинальность России много веков была не только в общине... а и в том, что вся психология жизни была пронизана христианством, очень впитали мы его когда-то – а теперь успешно вытравили из нас».

И, конечно, поражает уверенность Солженицына, что он обязательно вернётся. Во многих строках звенит тоска по Родине, которую он так любил. «Мы пленники здесь, на Западе, – писал он. – Во всех разнообразных испытаниях, какие уже за моими плечами, ещё не хватало действительно этого: изгнания, чужбины. Удивительно, как, при самом избыточном и назойливом изобилии, это может не ощущаться ни осязанием, ни кожей, ни языком – всё какое-то не того вкуса. Как будто всё есть, завались... а главного нет, и как будто всё ненастоящее. Может быть, со временем и пройдёт. Поскольку я вечный оптимист, то духом не падаю и надеюсь в считанные годы, меньше, чем пальцев на руках, быть в России назад».

Александр Исаевич, как сейчас уже широко известно, отдыхать не умел. Абсолютно вся жизнь его подчинялась исключительно работе. Любые малейшие детали и встречи, которые могли быть полезны, всегда заносились на бумагу. Непрестанная работа по осмыслению окружающего и происходившего постоянно шла в нём. Так было и в лагере, где он создавал свои произведения, не имея ни листка, ни карандаша, так было и в годы преследований, когда никто не мог дать гарантию, останется ли он жить на следующий день или нет.

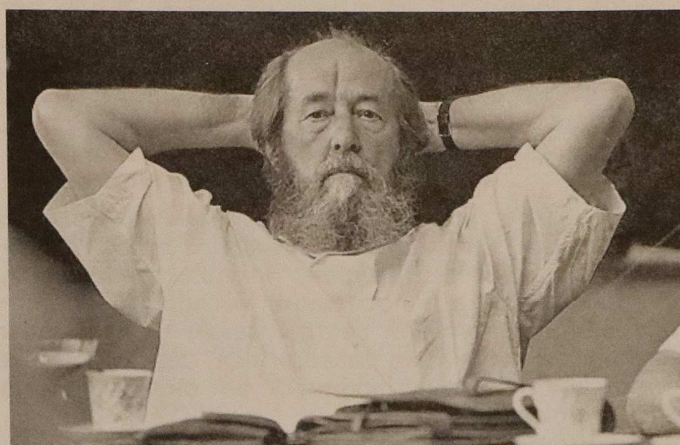
И, конечно, по такому же распорядку шла жизнь в годы, которые он мог спокойно отдать работе.

Наталья Дмитриевна Солженицына представляет в «Тетрадах» очерки писателя из его «Литературной коллекции». Так назывались заметки, которые Солженицын набрасывал во время чтения тех или иных произведений. Как он сам писал, «заметки эти – вовсе не критические рецензии в принятом смысле... Каждый такой очерк – это моя попытка войти в душевное соприкосновение с избранным автором, попытка проникнуть в его замысел, как если б тот предстоял мне самому». Значительная часть этих очерков была уже опубликована в «Новом мире». Однако здесь представлены записи, никогда доселе не печатавшиеся. И посвящены они Николаю Лескову и Виктору Астафьеву. «Русским из русских». Мастерам, чьё слово явило в разные века саму суть народного сознания и представления его о мире. Причём Солженицын не просто находит слова для восхищения ослепительным даром лесковского сказа и суровой астафьевской прозы. Он анализирует языковые особенности, стиль, композицию, разбирает достоинства и недостатки. Но всегда, при любом тщательном исследовании, оставляет за собой право на своё личное мнение, не забывает донести до читателей, какие чувства вызвали у него «Соборяне» или «Печальный детектив».

Кроме наследия самого Александра Исаевича альманах представляет ряд материалов, связанных с исследованиями, посвящёнными самым различными событиями, связанным с именем писателя. И одни из самых заметных – вручение Литературной премии Александра Солженицына. Среди её лауреатов – и филологи с мировым именем Владимир Топоров и Андрей Зализняк, и блистательные поэты Инна Лиснянская и Юрий Кублановский, и покойный неслышимый прозаик эзк Леонид Бородин, и великий археолог Валентин Янин. В «Солженицынских тетрадах» приводится стенограмма торжественного вручения премии ещё одному лауреату – дочери Лидии Корнеевны, Елене Цезаревне Чуковской. Эта хрупкая, спокойная женщина, которую весь литературный мир называл просто Люшей, поражала своим мужеством. Она прятала и перепечатывала запрещённые книги и оказала бесценную помощь Солженицыну. За такое можно было поплатиться головой, но Елена Цезаревна не признавала никаких препятствий. Сегодня за её спиной десятки блестяще подготовленных к печати книг, в том числе и «Записки об Анне Ахматовой» Лидии Чуковской, а также собрание сочинений Лидии Корнеевны, тома Корнея Ивановича

Чуковского. Вот что сказала Евгения Иванова, верная соратница Елены Цезаревны по изданию собрания сочинений великого сказочника и литературоведа: «Мне кажется, главная особенность Елены Цезаревны заключается в том, что, включаясь в любое дело, она сразу становится в нём «несущей конструкцией», и поэтому атланты так охотно и с такой готовностью поручают ей свой груз. Корней Иванович был первый, кто разглядел в ней этот талант, но этот талант сразу заметил и оценил Александр Исаевич».

Читатель «Солженицынских тетрадей» может познакомиться и с докладами, прозвучавшими на семинаре отдела по изучению наследия Солже-

ницына в Доме русского зарубежья, и с яркими, интересными выступлениями на обсуждении книги «Солженицын: Мыслитель, историк, художник. Западная критика, 1974–2008; сборник статей», вышедшей в издательстве «Русский путь».

Солженицын и Запад, столкновение мнений, яростные выступления писателя в защиту России и с обвинениями не до конца понимающему нависшую угрозу сытому и благополучному европейскому и американскому обществу во многом стали основой для изучения антитезы Восток – Запад, для исследования цивилизационного развития в XX веке. Перекрестье мнений, вопросы, до сих пор вызывающие непрекращающиеся дискуссии, проблемы своего, русского пути, роли православия в сохранении моральных ценностей – всё нашло отражение в удивительно значимом и глубоком разговоре.

Можно ещё долго рассказывать об этой замечательной книге, но лучше поскорее взять её в руки.